

Валентин ОВЕЧКИН.

Настя Колосова

Пьеса в 4-х действиях,
5-ти картинах(ПРОДОЛЖЕНИЕ. Начало см. в №№ 230—235 за 1948 г.
№ 96, 99, 100 за 21, 22, 24 мая 1949 г.)

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ КАРИНА ПЯТАЯ

Кабинет Тимошина. На заднем плане — летняя веранда, освещенная солнцем. Окна на веранде открыты, открыта и дверь в соседнюю комнату, где сидит, видимо, помощник секретаря, откуда слышны телефонные звонки и голос: «Слушаю. Нет его, на исполкоме... Скоро придет, позвоните позже».

После третьего действия прошло около недели. Тимошин за это время побывал в «Труде», жил там, как и обещал, три дня, обстоятельно познакомился с положением в колхозе. На воскресенье там назначено общее собрание. Сейчас он в райисполкоме на заседании. Настя Колосова — член исполкома — тоже там. Райисполком помещается где-то по соседству, ход туда через двор. Кабинет пуст. На веранде у окна — Игнат и Фрося, прижавшие по своим делам в район. Они ожидают Настю, чтобы ехать уже до райкома.

ИГНАТ (держит Фрося за руку). Почему я тебя совсем не помню до войны?

ФРОСЯ. Там я была маленькая.

ИГНАТ. Ты и сейчас маленькая.

ФРОСЯ. Мне сейчас девятнадцать лет, а тогда было тринадцать... А я тебя помню. Ты большой был, да...

ИГНАТ. Ну, ну, какой, говори.

ФРОСЯ. Глупый. Тебя девочка полюбила. Приглаждала тебя покататься, а ты говоришь: «Работайте ногами, кто головой способен». Зачем ты так говоришь?

ИГНАТ. Да я стеснялся тогда девушек.

ФРОСЯ. А на меня ты и не смотрел. Ты мотористом на мельнице работал. Важный такой ходил, как... Индюк. Меня мама послала в кочегарку горячей воды набрать на стирку, а ты поймал меня за носик, говоришь: «Будешь еще, выдра курносая, лезть сюда!» — и хотел мне на нежданном тощиле нос подточить. Я испугалась!

ИГНАТ. А, помню! Бегала к нам девочка рыжая, такая оторваноголовая. С мальчишками дралась. Это, значит, ты была?

ФРОСЯ. Я... Вот ты какой стал. Офицер. Раменный был. Бедняк! Зачем ты погоны снял? Тебе с ними красивее.

ИГНАТ. Не положено в запасе носить.

ФРОСЯ. И ордена не надел... Мне девчата завидуют, что ты все со мною гуляешь. Я было тебе издала слышу, когда проходишь вечером по нашему переулку: идишь, и медали звенят.

ИГНАТ. Фрося!

ФРОСЯ. Что? (Игнат обнимает ее, хочет поцеловать). Ой, не надо! (Быстрым движением, руками, вытирает губы). В окно увидят.

ИГНАТ. Там нет никого.

ФРОСЯ. Придут.

ИГНАТ. Пока придут... (целует ее)

ФРОСЯ (после поцелуя, растерянно). Спасибо...

ИГНАТ. Что?

(Из райисполкома идет через двор к веранде Тимошин, Настя.)

ТИМОШИН. Кхм... разрешите пройти.

(Фрося, вскрикнув, отбегает в дальний угол веранды, отворачивается.)

ИГНАТ. Мы... Настасья Никитишна ждали... Здравствуйте, Денис Григорьевич.

ТИМОШИН. Здравствуй. Ждали, но не случились. Ну, ничего. (Прокладывает кабинет, стоит у стола, разбирает бумаги. Настя остается на веранде, улыбаясь, поглядывает на Игната и Фрося, садится на перила.)

ТИМОШИН (нагнувшись над бумагами, но поднимая голову). Седов!

ИГНАТ. Я вас слушаю.

ТИМОШИН. Сколько ей лет?

ИГНАТ. Кому, Денис Григорьевич?

ТИМОШИН. Твоей девушке. То, кажется, Фрося Любченко?

ИГНАТ. Так точно, Фрося... Девятнадцать лет.

ТИМОШИН. Почему не женились?

ИГНАТ. Так... Я недавно из армии пришел, Денис Григорьевич. Сразу — жениться? Неудобно как-то с этого начинать... Да мы можем и сегодня расписаться... Фрося!

ТИМОШИН (подходит к окну). А она тебя любит?

ИГНАТ. Как не слышал от нее этого слова.

ФРОСЯ (тихо). И он мне ничего не говорил...

ТИМОШИН. Откуда же такая самоуверенность? — может, сегодня расписались? А, может быть, она не пойдет за тебя? Что она сказала, когда ты ее поцеловал? (Игнат переглянулся с Фрося, молчит, улыбаясь.)

ФРОСЯ. Игнат! Не гонорит. И еще никогда ни с кем не целовался.

годы, когда всем нам было беднее труднее. В окна стреляли кулаки тем, кто знал людей и новой жизни.

НАСТЯ. Помню те годы... Моего брата бандиты в проруби утопили...

ГАВРИЛЫЧ. Опасаются люди — как бы не сменить кукушку на ястреба. Этого все вспоминают, что до Шаврова у них был председатель, как его...

ФЕДОСЬЯ. Федьку Смагина. Того, что предлагал: давайте заарендуем в городе на базаре место и будем нашим движком карусели крутить, деньги зарабатывать.

ГАВРИЛЫЧ. Пропол, говорит, все же — хозяин.

ТИМОШИН. Надо разбить мнение о Шаврове, как о хорошем хозяине. В воскресенье на собрании нам этим, главным образом, и придется заняться.

ГАВРИЛЫЧ. Та, так! Донкажите им всем. Говорят: копеек колхозной не упустит. А я им объясню: есть, говорю, такая вредная копейка, что ее даже нужно упустить, от нее нам, как от заразной микробы, добра не будет, ежели все клянемся искать покори там, где Шавров ее ищет.

ТИМОШИН. Прав, старик! Откуда такой мудрости набрался?

ГАВРИЛЫЧ. С нашим колхозом все сравняво, Денис Григорьевич. Наш председатель, товарищ Черныш, как до войны посылал нам и рассказывал, как мы должны жить по-новому, к чему должны стремиться. Есть и райкомы, обкомы, они тоже про колхозную жизнь правильно говорят, так они далеко, а председатель ближе к людям, каждый день в массе вращается. По нынешним временам, как много молодежи без опыта остался — он и отец всем. От отца направление в семье идет.

(На веранду со двора всходит Шавров, заглядывает в окно.)

ШАВРОВ. Здравствуйте.

ТИМОШИН. Здравствуй. И ты приехал? Заходи.

ФЕДОСЬЯ. Не с нами. Должно быть, с той машиной, что горючее возит.

ШАВРОВ. В сельхозотделе вызвали. Анкету какую-то заполнить надо. Да — срочно, говорят. Чего это они?

ТИМОШИН. Срочно. К птанинотому надо быть уже там.

ШАВРОВ. Где?.. (входит в кабинет, к Гаврилычу). Все брешешь? Тут еще твоих басен не слышали.

ГАВРИЛЫЧ. Хотел про тебя рассказать. Как ты для колхоза стараешься, кого ни есть обогреть, и шальной копейкой не брезгуешь, такой, что по старому сказать бы: «от чорта, не от бога достался». (К Тимошину). Али неверно говорю?

ТИМОШИН. Не совсем точно формулируешь. Ничего, пойдем.

ГАВРИЛЫЧ. С этим, брат, не шутки! На глазах у людей лопачись, хитруешь. А люди так поймут: значит, и колхоз можно обманывать. Пусть другие в поле работают, а я засею огород луком, чесноком, рублю головки на базар, туда-сюда — легкой жизнью проживу. Вот оно до чего дойдет.

(Пауза.)

ТИМОШИН. Мужик ты, Шавров.

ШАВРОВ. Не из дворян, конечно.

ТИМОШИН. И они (на женщин и Гаврилыча) были когда-то мужиками. Были. Но скажи сейчас на старика: мужик — он оскорбится. А ты вот — не обижайся... Ты любишь свой колхоз, как когда-то любил собственное хозяйство. И — только. Выше не поднялся.

ШАВРОВ. А чего еще нужно?

ТИМОШИН (помолчал). Если ты в душе понял уже свои ошибки, но упрямился — полюбви. Если совсем ничего не понял — хуже. Тогда не знаю, как быть. Мы-то уж решили тут с членами бюро, чем тебе помочь... (стукнул по столу). А колхоз «Вторая пятилетка», с которого ты хотел содрать сто процентов за семенную ссуду, — это наше, собственное, или чужое? А учителя, которым ты на месте продаешь молоко дороже, чем оно в городе на рынке стоит, — чьих детей учат? Что еще нужно? Нужно, чтобы ты стал государственным человеком. Чтобы все на нашей советской земле любил, как свой колхоз... Ты и мне замызгал глаза своими миллиончиками. Считаю — благополучно у вас, потому и редко заезжал. А ведь старик прав: ваши нечестные барыши обращаются уже против вас. Я просмотрел здесь ваши годовые отчеты за несколько лет. Вот они. Денежная доходность у вас с каждым годом падает. Было военное время, сорок пятый год, все тридорога — тогда вы пожимались. А дальше — хуже и хуже. Вся страна живет лучше, цены снижаются, а в вашем колхозе доходы падают. В прошлом году подсолнечное масло придержали до весны да бахчи вас выручили. У других градом выбило, вас не захватило. Воспользова-

лись случаем, брали за арбузы, что хотели. А нынче совхоз завалил город арбузами, вы уже рынком не командуете, не удасться ваша коммерция. Все такое — случайное. А главное, без чего нельзя жить и по-настоящему прочно, надежно богатеть — устойчивых урожаев зерна, высокой продуктивности ферм — у вас нет... Разные есть способы наживания богатства, Шавров. Базарным комбинациям крестьянина учить не нужно. И при Иване Грозном он торговал, и тысячу лет назад торговал. Это занятие ему милое, привычное. А о внутрисортном скрепывании пшеницы давно ли узнала деревня? О подворниках, бактериальных удобрениях? О Докучаеве, Вильямсе? То-то же. Это — потруднее, да. Но это — путь всех действительно передовых колхозов.

ШАВРОВ. Денис Григорьевич! Если уж намерены снимать меня, так репайте скорее. Пряехали, оставили меня перед людьми: все не годится, что я делал в колхозе...

ТИМОШИН. Мне важно не ослепить тебя, а доказать всем нашим колхозникам, что ты хозяйствовал плохо. И я это сделаю твоими же цифрами: покажу наглядно, за чем ты гонялся, а что терял. Ты никогда не подсчитывал, сколько бы зерна собрал колхоз, если бы у всех был такой урожай, как у Колосовой, или хотя бы у Голубовой, у Фрося Любченко? По пуду хлеба на трудодень давали бы! А на фермах у вас что? Одна свинарня вырастила двадцать поросят от матки, другая — трех. Вот где миллионы! Чистые, безупречные.

ШАВРОВ. Решайте, пока вакация на должность не есть... Элеватору начальнику охраны требуется. Пойду в сторожа... Восемь лет, как белка в колесе. Не по часам работал. Зимой и летом в пять утра — на ногах. Дорожил, как своим кровным. Из эвакуации скот пригнал, отчитался до копейки. Другие продавали там, наживались...

ТИМОШИН. Знаю. Не растрачивай, не грубиян, не вельможа.

ШАВРОВ. Что ж вы меня раньше не поправили?

ТИМОШИН. За все восемь лет не отвечал, не знаю, как оно тут было в тобою. А за себя скажу — виноват, да. Не придал раньше, с серьезного значения некоторым фактам. Так вот, пока не поздно — поправим. Я тоже учусь на ошибках... (с силой). Теперь я буду вести беспощадную борьбу в районе со всем показным. С работой для похвалы, для блеска, а не для пользы общего дела.

ФЕДОСЬЯ. Обидно. Много лет учусь... Мы — не хилые, и по трудному пути пойдем. Не хуже, не слабее мы других. В колхозе мы только и силу свою узнали. Потому что видим — все доступно стало нам, простым людям. Как сойдется, бабы, как поразмыслим — к чему идем, какую жизнь строим, и что было бы с нами, вдовими, после такой войны, если б не колхоз, — батрачить на огороде пошла бы к кулакам, и детям из нужды не вылезать... вот тут скажи нам гору на другое место перенести — перенесем! А Проклопыч нашей силы не принял. Он ее боялся...

(Пауза.)

ТИМОШИН. Что молчишь, Настя?

НАСТЯ. Я за эти дни, Денис Григорьевич, так душою переболела! Столько прорек выговаривало в нашем колхозе... Я же и раньше все это видела. Не хуже дела могу сообразить, что и чему. Я — коммунистка...

ТИМОШИН. Хорошо, что переболела. Так тебе и надо... Шавров! Не говори жалобных слов насчет сторожа. Мы тебя не снимаем, успокойся. Не собираемся учинять расправу над тобой. Не работай у них ты не будешь. Эти люди тебя переросли, сам видишь, как же ты можешь ими руководить?.. Погонишь в областную школу председателей колхозов. На два года.

ШАВРОВ. Денис Григорьевич, шутите?

ТИМОШИН. Уже на бюро утвердили список. За этим тебя и вызвали. Анкету твою надо отослать туда.

ШАВРОВ. Да какой я школьник! В мои ли годы? Своих школьников дома полно.

ГАВРИЛЫЧ. Молчи, Проклопыч! Правильно решил. А куда ж тебя девать, как не на курсы? И колхоз от тебя избавится, и тебе не позорно.

ТИМОШИН. Не потому решил, что некуда девать, ты, дед, загибаешь. Если будем посылать в эту школу всех, от кого нужно избавится, — подготвим кадры, не пропадем, не набебозрачим у вас. Как раз тут курсам и можно помочь. Его ошибки — от узости кругозора, от политической малоразвитости. И гибридизации он боится, потому что не знает, что это за штука, не изучал биологию... А, про чем, Шавров, я тебя не уговариваю. Если у тебя отвращение к учебе... Но тогда уж лений на себя. Жизнь — штука беспощадная. Идет вперед, как колонна, на марше, не останавливаясь, из-за одного-двух отстающих.

ШАВРОВ. Перерос уже я, Денис Григорьевич, для школы. Мне — пятьдесят лет.

ТИМОШИН. Это — не старость... Сколько меньшему сыну, которого я за твоего внука принял?

ШАВРОВ. Восьмой месяц пошел...

ТИМОШИН. Вот. Похож на тебя. Вылитый Проклопыч.

ШАВРОВ. Два года. Да там, на этих курсах, и пища такая, что мое деревенское брюхо не выдержит.

ГАВРИЛЫЧ. А ты возьми из дому мешок сала, яичек побольше, между бидон — не отощаешь.

ФЕДОСЬЯ. Передачу будем возить, по старой дружбе.

ШАВРОВ. Васяня Ненашев из «Красного пахаря» был на этих курсах. Говорит: столько предметов проходят, и по политике, и по химии, и по грамматике! Стишки на память учат!

ТИМОШИН. И это тебе — лишнее. Ведь ты же с начала коллективизации одну книгу все-го-навсего прочитал, из художественной литературы, и ту забыл, как называется.

ШАВРОВ. Ничего не забыл. Шолохова сочинение, «Поднятая зыбь».

ТИМОШИН. Заела тебя зыбь...

ШАВРОВ. Разве только зыбь? А мобилизация средств, а мобилизация, а заем? Да как наедут сразу десять уполномоченных, да каждый по своей линии требует, ругается! Кто в председателех не бывал, тот лиха не видал.

ТИМОШИН. Все. Иди в сельхозотдел, оформляй, что нужно, а после собрания, на будущей неделе и поедешь.

ШАВРОВ. Сына старшего хотел женить осенью...

ТИМОШИН. Попрошнись — отпустят для нас.

ШАВРОВ (идет, останавливается у двери). Эх!.. После немцев ты принял Вурьяны да развалины. Из кожи лез, старался поставить колхоз на ноги. Теперь бы только пожить!..

ТИМОШИН. Иди, заполни анкету. Поживешь. Не в этом колхозе — в другом, может быть... Да ступай! Не в крематорий же тебя отправляют. Конечно — поживешь!

(Шавров, вздыхая и крутя головой, неохотно уходит.)

ГАВРИЛЫЧ (вслед ему). Счастливого пути! Ни пуха, ни пера! Учись на пятёрки — вернешься профессором... Быть тебе, как говорится, полковником — да не в нашем полку... ТИМОШИН. А, может быть, привью ему там вкус к науке... Снять плохого председателя — проще всего.

(На веранде появляется Игнат.)

ТИМОШИН. Входи. (Игнат входит). А невесту где потерял? ИГНАТ (смущенно улыбаясь). За двором осталась, возле подвода.

(Телефонный звонок.)

ТИМОШИН (снимает трубку). Да... Кто приехал? Изыскательная партия? К нам? Ага... Ну, что они говорят? О нашем канале что говорят? Пуговилла, и который они пришлют лоджик?.. Что ж, мы не против такого разжеха. Людей мы поднимем. А вода-то откуда? Та часть района ведь у нас совсем без реки... Соединят с соседними районами? Тогда, конечно... Так это что-то большое затевается. Лука Демьянов, а?.. Государственная оросительная сеть, даже так? Ой... А решения еще нет? Что он слышал нового?.. Давно из Москвы. Черныш тебе не писал? Телеграмму и я получил. Он обещал письмом, подробно, как только приедет... НАСТЯ. Я сегодня получила от него письмо...

ТИМОШИН. Что?.. (в трубку). Где они сейчас? Обедать пошли? Так ты ветером заходи с ними. Или я приду к тебе... Да, да. Позвони, хорошо. (Кладет трубку). Получила, говоришь, письмо?

НАСТЯ (покаслась, как девушка). Я его дома оставила. (Кладет руку на грудь, под короткой шелестит бумага). Нет, здесь... Да там ничего такого... Не интересно вам.

ТИМОШИН. С дороги, вероятно, послал? Хвалюсь! Мне — из Москвы надо, что там в министерстве, зачем его вызвали?

НАСТЯ. Из Москвы...

ТИМОШИН. Ну, вот — пожелай, мне не написала, а ей — потворился. Пережились бы вы скорее, что ли? Дела какие развращаются (на Игната). Этот — целуется с девушкой, прямо под окном у секретаря райкома...

ИГНАТ. Вас же не было в кабинете!

ТИМОШИН. Как, дел, отправил это на ответственной работе?

ГАВРИЛЫЧ. О, Денис Григорьевич, еще как отразится! Я в таких делах и ни в село не бегал. Дома свои деки есть, нет, в чужом селе показываешь, лучше. Заманчиво зелье! Как отмахнешься за ночь сестриц надверст в два коня...

НАСТЯ (замечает на столе под бумагами конверт с знакомым почерком, вытаскивает его за

уголок). Это что? И вам письмо. Развращались на нас, как старый свекор на невесток.

ТИМОШИН. Да, от него. Не заметил (разрывает конверт, читает). И он пока немного узнал... Будут подрабатывать проект решения, да, а что, когда-еще не узнал... Что ж, это не плохо, товарищи. Получим приказ начинать наступление на природу, а мы уж — готовы к бою, и сами успели кое-что сделать.

(Проживается по кабинету).

ТИМОШИН. Седов!

ИГНАТ. Я вас слушаю!

ТИМОШИН. На партучет взяли?

ИГНАТ. Да, сегодня.

ТИМОШИН (подумав). А в колхозе нашем мы начнем с укрепления партийной организации.

ФЕДОСЬЯ. Ох, надо начать! Как приняла меня в кандидаты, никто ничего не и не пояснял, что я должна делать, какую работу вести.

ГАВРИЛЫЧ. У них там есть еще кандидат с допотопным стажем, Терентий Белкин, кладовщик. Хвалится, что все сочинение Карла Маркса прочитал, а сам молитвы пишет бабам от малярии, с большой учености-то.

ФЕДОСЬЯ. У них, у них! А ты где? Привыкать надо.

ГАВРИЛЫЧ. Я говорю — в яичке нашей. Я ж беспартийный, вы меня на свои собрания не кличете. Да у вас их и не было уже полгода.

ФЕДОСЬЯ. Христича нельзя винить, что не работал. Больной человек, все режут его, три раза желудок резали, чем только живет.

ТИМОШИН. А если мы перекомандуем вам избрать секретарем парторганизации Седова?

ФЕДОСЬЯ. Это — дело!.. А кто же председатель?

НАСТЯ. Как, Игнат Трифонович?

ИГНАТ. Согласен.

ТИМОШИН. Христич поедет в санаторий лечиться. Примешь от него и парторганизацию, и бригаду. А ты, дед, пойдешь, как договорились, на огород. Новая отрасль, семенное хозяйство, доходящая штука. Гектаров «идея» земли отведут, наберешь новую бригаду, и — давай колхозу ежегодно тысяч сто. Со стороны ты критикуешь мастеров, все видишь правильно, где рубишь терпение за вредными копейками, и как с народом надо работать, — вот, действуй.

ГАВРИЛЫЧ. Давно этого желал! У меня сын Гриша, что на Курильских островах, огородинкой был, а возле него и сам это дело постиг. Что мне дали на грузовик, то косье отобью, то грабли подедаю, то срубю подношью — это все не видная работа. А там — урожай пахнет!

ТИМОШИН. В воскресенье мы предложим собранию новый агропроизводственный план, что подработали с активом. Утвердим вот их бригадирами. И — выберем нового председателя... Кого? Пауза.

ГАВРИЛЫЧ. Да кого масса выберет...

ТИМОШИН. Мы должны порекомендовать массу хорошего человека. А собрание обсудит, так обычно делается... Кому стало тесно в звене, в бригаде? Кто нежелает во всю силу поработать? Настасья Никитишна!

НАСТЯ. Не-е-ет!

ТИМОШИН. Почему?

НАСТЯ. Я зналась, бюрократ, чистоплюйка. Разве можно мне колхоз доверить? Что вы!

ТИМОШИН. Только, покажу-ста — без капризов. Не люблю... Всей душой — за выдвижение женщин на руководящую работу, но вот эти ваши штучки — нервы, обиды, слезы — не выношу! Обидалась? Признаешь? — до-вольно об этом. Может, я и переросла, но это тебе не вредно. Ты за десять лет столько слышала похвал...

НАСТЯ. Хорошо, без капризов... И без капризов — не хочу! И так болтают бабы: потому пошла против Шаврова, что самой на его место захотелось.

ТИМОШИН. Тоже — не серьезная причина. Мало ли что болтает. А ты докажи всем, работой своей, что Шавров действительно был плохим хозяином, а надо вот как руководить!

НАСТЯ. Ну, давайте серьезно говорить... Одна я такая, Денис Григорьевич? Нет, много нас. Всем передовикам сказано: помогайте другим, вы отвечаете за всех. А если каждый ответит: согласен отвечать за других, только дайте мне власть над ними, должность дайте повыше — что ж оно поучится? Этак на каждый колхоз по десятку председателей наберется... В том-то и дело, что не по должности спрашивают у нас, а — по совести. Оставался чем был, а работай — иначе. Так я поняла! Если неверно поняла — скажите.

ТИМОШИН. Верно... Ну, а как ты будешь работать иначе? Сказано хорошо: по совести спрашивают. Понять, что и как с тобой спрашивать, — это уже много. Но — не все. Делать-то что будешь? Как поведешь народ за собой? Нам сказать легко: ведите. Вот пристали — подумаешь. Нет, Настя, я сам хочу обдумать глупость. У нас восемьдесят шесть колхозов. От вас я в другие колхозы поеду.

НАСТЯ. Делать что?.. Как бу-

лет такой председатель, что мы побоялись нового, да Игнат Трифонович нам поможет — много сделаем... Вот я уж решила: баб своих в другие звенья отдам, Настасья, Марию, Ксюшу, пусть они там теперь будоражат. А себенью новеньких наберу, их стану учить. Зимой с агрономом откроем курсы прямо у себя в колхозе для всех звеньевых.

ИГНАТ. И для бригадиров, Настасья Никитишна. Меня на фронте агротехники не учили.

НАСТЯ. Дополнительную оплату рассчитаем за урожай! Обязательно! Отметим и хороших, и плохих. Закарем за каждым звеном землю не на год, а на весь севооборот, да внутри звена — на сделанные все!.. Чтоб как на выставке стало видно работу каждого человека. Кто должен всего этого добиваться неотступно? Передовики... Загорелось бы сердце, Денис Григорьевич, оно подкажет, что надо делать... А председателя мы выберем. Есть кого выбрать. Вот (на Федосью) — председатель.

ФЕДОСЬЯ. Шутнись, Настя?

НАСТЯ. И этой — какие-то шутки. Нет, не шучу... Вижу я, Федосья Андреевна, что ты другим человеком стала. Раньше стала, чем я заметила... Что — она хозяйства не знает? С народом не умеет поговорить? Не сможет доказать, что хорошо, что плохо? Тому трудно доказывать, у кого у самого за душой ничего нет.

ФЕДОСЬЯ. Да что ты говоришь такое — меня в председатели я еще и бригадиром не была.

НАСТЯ. А звено, бригада — не велика разница. У нас бывает, Денис Григорьевич — выдвигает иной раз в председатели какого-нибудь кладовщика, он, дескать, возле правления вертелся, человек опытный. А что он делал возле правления? Капусту возал, мед по записочкам выдавал. Да у нее с то раз больше опыта! Она живыми людьми руководила, урожай выращивала. Хоть горсточка, а люди, те же заботы, интересы. Из таких горсточек колхоз состоит.

ТИМОШИН. Это все, в общем, правильно... Я о ней только подумывал, на случай, если ты откажешься.

ИГНАТ. Не робейте, Федосья Андреевна. Не командиром дивизии выдвигают вас, дело вам знакомое. Может быть, в будмажках первое время будет трудно разбираться — поможем общими силами.

ГАВРИЛЫЧ. Честного человека надо в контору. Как бы ее Кулик не опутал в чем. Слушок идет — надо проверить — будто взяли берет он с людей за справки, и кой-кому за магарычи трудными приписывает. Ежели так — гнать его поганой метлой!

НАСТЯ. Христич подлечится — вот его и взять на место Кулика. Сидячая должность, как раз по нем. Он когда-то счетоводом в сельпо работал.

ГАВРИЛЫЧ. А если так, что будет хороший парень при счетной части, то я тоже предложу, Настя, подерживаю.

ФЕДОСЬЯ. Денис Григорьевич! Да я и не думала, не гадала.

ТИМОШИН. И я когда-то не гадал, что буду секретарем райкома.

ФЕДОСЬЯ. Хоть поразмыслить дайте.

ТИМОШИН. Размышляй до самого воскресенья.

ФЕДОСЬЯ. Настя!.. Тогда я тебе скажу, что мне все плохо не вышло. Нам вместе работать. Лучше — сейчас... Я с девятнадцати писала письмо про тебя в райком партии.

НАСТЯ. Да?

ФЕДОСЬЯ. Немало вертелось возле тебя, Настя, всяких людей. Листай тебе, подхваливали, где и не нужно было, славой твоей похвастались. Хотели. А много ли было друзей верных, таких, что душою оценили, что ты для народа делаешь?.. Как хочешь понимать... Покажите ей письмо, Денис Григорьевич.

ТИМОШИН. А я, кажется, домой его занес.

НАСТЯ. Не надо, не ищите! (улыбается). Я знаю, что вы писали. Мои бабы уже все разведали и мне донесли. Любкая дала черновик у Дуни выманула.

ФЕДОСЬЯ. Знаешь... И все-таки...

НАСТЯ. И все-таки быть тебе, Федосья, председателем. (Уверенно поназывает Фрося, прохит, поглядывая на окна, взвешивает). Переписывала-то вои-то, Фрося, почему черновик у Дуни оказался — не знаю, (улыбается, встает, выходит на веранду).

(В дверь заглядывает помощник секретаря: «Денис Григорьевич! Вас тут люди ждут».)

ТИМОШИН. Сейчас. (Встает). Гаврилыч. Дела... Обо всем, нарис, переговорили. Пора домой ехать, а! Поеду за лошадьми, подеду сюда.

(Окончание см. на 4 стр.)